

Высшие ценности — плод взаимодействия государства и общества

Ю.А. Красин, доктор философских наук

Доклад И.Б. Орлова вызывает большой интерес. К сожалению, он весьма объемный и за короткое время детально ознакомиться с его содержанием не представляется возможным. Хорошо бы вернуться к прежней практике предварительного представления не только доклада, но и тезисов. Это помогло бы лучше организовать дискуссию.

Предложенная автором классификация ценностей по разным парадигмам наводит на размышления. Однако центр тяжести анализа этих ценностей явно смещен в сторону международных реальностей в ущерб их имманентной оценке с точки зрения развития самого российского общества. Вопрос о высших ценностях рассматривается в докладе под углом зрения места и роли России в мире, ее исторической миссии. Мне же кажется, что надо было поставить эту проблематику в более широкую систему координат взаимоотношений государства, общества и личности.

Ясно, что в этой системе государство в России всегда доминировало, а личностное начало развивалось слабо. Но все-таки нравственные, мировоззренческие и даже политические и правовые ценности российской государственности формировались во взаимодействии всех трех упомянутых компонентов. У этих ценностей — особенно в процессе их сублимации государством — отнюдь не только государственное измерение. В самом обществе, несмотря на подавленность гражданского и личностного начал, также происходило ценностное развитие. Взять, к примеру, такие ценности,

Ю.А. Красин. Высшие ценности — плод взаимодействия государства и общества

как свобода и воля. Они всегда присутствовали в российском обществе — даже в худшие времена царского деспотизма или тоталитарного сталинизма. Кстати, «воля» — по крайней мере, в бытующей у нас трактовке — это специфически российский феномен. В английском языке нет адекватного слова для точного перевода. Наиболее близкий термин *license* (вольность) несет, скорее, негативный оттенок — «злоупотребление свободой». В русском же понимании «воля» имеет позитивный смысл, раскрывающийся именно в соотношении стремления подданных самим определять нормы своей жизнедеятельности с деспотическим способом правления централизованной государственной власти. Это протестное стремление освободиться от всеобъемлющей и всепроникающей государственной «опеки» постоянно прорывалось в российской истории, и его нельзя не учитывать, рассуждая о высших ценностях Российского государства.

Можно согласиться с тем, что для России, при ее бескрайних просторах и необыкновенном социокультурном многообразии, всегда существовала и существует императивная потребность в сохранении своей целостности. Для этого должны были применяться очень мощные централизованные рычаги государственной власти. Конечно, это ущемляло народные вольности, ограничивало очаги и каналы волеизъявления в обществе в пользу государственной власти. Тем не менее, всякий раз, когда железные обручи централизованной государственности ослабевали, Россия сталкивалась с реальной угрозой распада. Осознание публичного интереса в сохранении общенациональной независимости и целостности вновь побуждало к воссозданию мощного централизованного государства, бравшего на себя всю полноту власти.

Это не означает, однако, что государство в России было единственным горнилом вызревания и просеивания высших политически-правовых и нравственных ценностей жизнедеятельности российского общества. Здесь мы сталкиваемся с противоречием. С одной стороны, централизованная госу-

дарственность, воплощая в себе публичный интерес, получала поддержку общества. С другой стороны, деспотическая составляющая этой государственности встречала сопротивление со стороны общества. В разных формах это прорывалось на протяжении всей истории государства Российского, подпитывая свободолюбие и другие, как бы мы сказали сейчас, демократические ценности. Ввиду наличия обширных неосвоенных пространств, накал этого противоречия гасился возможностью ухода несогласных на территориальные окраины: вспомним, например, историю казачества или переселение раскольников в Сибирь. Не вдаваясь в подробности, констатируем, что ценности воли и свободы все время жили в обществе, так или иначе влияя на формирование высших ценностей Российского государства. Думаю, что эти представления о взаимодействии государственных и общественных механизмов развития системы ценностей соотнобразуются и с общим определением государства.

В одном из выступлений здесь предлагалось определять государство через функцию принуждения, насилия. Поможет ли это все-таки вчерашний день теории государства, и не нужно ли возвращаться к канонам марксистского определения, тем более что взгляды основоположников марксизма на этот счет не так уж прямолинейны и однозначны.

В определении государства через функцию насилия есть доля правды, но это относительная правда. Более полное определение базируется на динамике разнопорядковых интересов. В самом общем виде интересы подразделяются на частные (private) и публичные (public). При этом публичные интересы, как интересы общества в целом, не существуют сами по себе вне многообразия частных интересов. Нет каких-то публичных интересов, которые не преломлялись бы через приватные интересы. Причина возникновения и смысл государства в том и заключаются, чтобы из бесконечного многообразия частных интересов аккумулировать публичный интерес и выражать его. И только в качестве вторично-

Ю.А. Красин. Высшие ценности — плод взаимодействия государства и общества

го элемента появляются насилие, принуждение. Этот вторичный элемент возникает потому, что система интересов в обществе неоднородна, и публичный интерес нельзя из нее вывести в качестве среднеарифметической величины. Доминируют наиболее сильные, наиболее мощные интересы, которые диктуют обществу свое понимание публичного интереса. Иными словами, наиболее мощный кластер частных интересов выдается за публичный интерес. Нам говорят: «вот это и *есть* общий интерес». Тех, кто с этим не согласен, убеждают при помощи информационно — пропагандистского аппарата. Если же убедить не удастся, то принуждают с помощью государственных механизмов репрессий. Эта сторона деятельности государства и была положена в основание марксистского определения государства как аппарата насилия.

Возможен ли другой способ аккумуляции и выражения публичного интереса, который исключал бы насилие? В принципе он возможен. И в нашей истории был очень важный, рожденный снизу политический эксперимент создания Советов как органов народовластия, исключающих монополию и «приватизацию» власти. Эксперимент оказался неудачным, т. к. советская государственная бюрократия сумела подчинить себе всю эту систему. Ясно, что демократический способ формирования публичного интереса требует как можно более широкого вовлечения самого общества в политический процесс. Неслучайно в современной политической теории все большую популярность приобретает концепция «делiberативной демократии», которая ставит в центр демократического процесса принятия решений именно общественную рефлексию.

Теперь несколько замечаний насчет «переходов» в политическом развитии. У каждой страны — во всяком случае, имеющей свою культурно-ценностную идентификацию, (а Россия, несомненно, такая страна), — есть свой «коридор возможностей». Для государственных и политических деяте-

лей очень важно видеть этот коридор возможностей и двигаться по нему, не перепрыгивая через этапы. Между тем, в российских традициях — ломать стены коридора. Так было в революцию 1917 г. Попытались сломать устои бытия до основания, а потом строить все с чистого листа. Однако почти с самого начала в «новую жизнь» полезли старые социокультурные архетипы.

Американский политолог Крейн Бринтон, еще до Второй мировой войны издавший книгу «Анатомия революции», проследил сравнительную историю всех великих революций. Он показал, что сеть общественных отношений покоится на весьма устойчивом фундаменте инерционных факторов. Социальная революция потрясает устои общественного устройства, но она не может полностью уничтожить фундамент. Спустя некоторое время, «старое» прорастает в «новом», тормозя развитие и стимулируя «откаты» и «термидоры». В частности, относительно России К. Бринтон заметил, что уже в 30-е гг. прошлого века «старые архетипы» поведения и сознания начали возвращаться в советское общество. И Маркс хорошо понимал, что попытки внедрения продвинутых социальных проектов в отсталых обществах приведут к печальному результату: «свинцовая мерзость» прошлого полезет из всех щелей. Мы это видим во многих развивающихся странах, да и в России тоже, — коррупция, клановость, nepотизм, подданничество и т. д.

Мера и темпы внедрения ценностей и идеалов высокой культуры должны соотносываться с коридором возможностей. Этапы «ломки» в нашем социокультурном развитии вписывали трагические страницы в летопись российской истории. К числу таких страниц относится и та, которую мы переживаем после радикально-либеральной ломки 1990-х гг. Движимые нетерпением и нетерпимостью либеральные демократы первой волны хотели быстро осуществить «либерализацию» и «демократизацию» страны шоковыми методами. Получили обратный результат. Не знаю, когда у нас теперь

Ю.А. Красин. Высшие ценности — плод взаимодействия государства и общества
возродится либеральная традиция, и возродится ли она вообще. Либеральная идея отторгается обществом, прошедшим в 90-е гг. суровую школу российского доморощенного либерализма.

Главный урок российских «ломов» — в том числе и «ломки» 90-х гг. прошлого века — при всех «переходах», какими бы высокими ценностями они не обосновывались: необходимо сохранять нить исторической преемственности. Как только нить обрывается — за этим следуют социальные катастрофы и потрясения.

Обозначу свою позицию относительно «новой парадигмы», согласно которой национальное государство уходит с исторической арены. Полагаю, рано хоронить национальное государство; оно еще даже не сложилось в большей части мира. После эмоционального всплеска, вызванного односторонними и преувеличенными оценками последствий глобализации, кажется, наступает отрезвление. Френсис Фукуяма даже опубликовал книгу с характерным названием — «Государственное строительство». Основная идея книги: надо строить и укреплять национальные государства в развивающихся странах, иначе в мире воцарится анархия. Гегемонистская внешняя политика США и многочисленные рецидивы практики силовых действий на мировой арене также не располагают к тому, чтобы демонтировать национальные государства. Напротив, возрастание угроз национальному суверенитету побуждает к их укреплению. Поэтому призывы к смене парадигмы в оценке роли государства, по меньшей мере, преждевременны.

Теоретически эта идея тоже не бесспорна. Пусть даже не в XXI в., а в долгосрочной перспективе — скажем, в XXV в., в условиях расцвета всеобщей глобализации — еще неизвестно, каким путем будут развиваться национальные государства. Парадигма об «умирании» национальных государств зиждется на предположении о том, что человечество движется к органически единому всемирному сообществу. До-

пустимая гипотеза. Но существует и другая гипотеза «мира миров», обстоятельно аргументированная российским историком Михаилом Гефтером. В пользу этой гипотезы свидетельствует тот факт, что в ходе глобализации своеобразие и многообразие экономических, социальных, политических, культурных связей, отношений, структур, институтов — не уменьшаются, а наоборот, увеличиваются. Унификации человечества не происходит. Мне гораздо больше импонирует гипотеза «мира миров», а не «единого мира». Что произойдет с национальными государствами в контексте этой гипотезы — сказать трудно. Но очевидно, они не просто бесследно исчезнут, а будут играть большую роль в налаживании и осуществлении сложной системы координации «малых миров» в пространстве сетевых связей «большого мира» человеческого социума.

П. Пикассо. Новая демократия